

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

Ц И Р К

ДЕНЬ ДЛЯ ВЕЧЕРА

деленные волны. И все не так уж просто, потому что в поисках смешного до смешного мало смешного. Если уж совсем откровенно, то в основе каждого моего выхода на манеж чаще всего лежит классический трюк, давно знакомый цирку. Я только придумываю, как сделать его своим. Так рождается реприза.

— А сколько реприз в вашем репертуаре? И как вы строите репетицию?

— Реприз много. Точно не подсчитывал, полагая, что время, нужное для «инвентаризации», лучше истратить на поиски новых улыбок. Тем более, что «поисковая экспедиция» длится немногим меньше двадцати четырех часов в сутки. На манеже. На улице. В мастерских. До поступления в цирковое училище я ведь работал слесарем, и моя первая профессия — надежный союзник во всем, что я делаю. В союзниках должно быть и зеркало. На первых порах — чтобы познакомиться «с собой». А когда знаешь свои возможности, — чтобы не потерять собственное лицо...

— Критики, да и некоторые

цирковые артисты, сетуют, что исчезли буффонадные клоуны... Ваше мнение о буффонаде и о клоунах «с осенью в сердце»?

— Я лично против «осени»: что за радость весь вечер смотреть, как падают на манеж желтые листья! Цирк — это весело. А клоун, как солнышко. Может, я здорово хвалил?.. Но такова задача клоуна — светить. А как донести этот свет до зрителя, каждый из комиков решает сам, помня, что главное в цирке — трюк. В репризе «Урок рисования», которую мы показываем минчанам, один из моих партнеров ловко набрасывает с натуры зрителя, а также рисует ужин для не успешного перекусить товарища. Весело, но не смешно. Ибо нет трюка. Когда же натурморт «оживает», и из него появляются сардельки, курица и бутылка кефира... на троих — это уже цирковая поддача дара рисовальщика. Буффонадные клоуны просто не нашли своей маски в нынешней жизни, кажутся бесконечно далекими и... не смешными.

Попову приносят какие-то детали для новой репризы. Уточняется, что нужно подготовить на завтра, что не забыть.

— Вот действующие лица из рубрики «Чего не видит зритель», — замечает Олег Константинович, когда за прихотливыми закрывается двери. — Они очень помогают нам — инженеры и рабочие обслуживающих цехов. Кстати, в Минском цирке многое хорошо: отличный оркестр, осветительный цех, мастерские...

Вторая половина вечернего представления. «Причесавшись и отдохнув» за время антракта, цирковой манеж снова залит потоками света. Звучит музыка. Попов выходит к зрителю такой непринужденно веселый, такой естественный в своем добром настроении, словно только что там, за кулисами, он веселился в кругу друзей и, подсмотрев на манеже чье-то выступление, не может не спародировать его. Потому что... так уж устроен он, что каждое явление окрашивает улыбкой. А может быть, всемоу виной ненормированный рабочий день, в течение которого рождаются новые репризы? Так или иначе, но, аплодируя со всеми вместе, мы желаем народному артисту побольше этих веселых и смешных «ново-рожденных».

И. СИМОНОВА.

СЕГОДНЯ и ежедневно манеж Минского цирка украшен улыбкой одного народного артиста Советского Союза Олега Попова...

Как мы и договорились с Олегом Константиновичем, я пришла к нему в антракте. Артист, комично сверкнув глазами, грозно «потребовал» вопросов, словно обещая весь разговор окрасить шуткой. Наверное, я спугнула его настроение, потому что первый же вопрос — о секретах в рожденьи смешного — согнал улыбку с его лица. Впрочем, нельзя же и в антракте требовать от певца песен...

— Все очень просто, — ответил Попов, — если имеешь голову, настроенную на опре-